

ФИЛОСОФИЯ ИЛИМДЕРИ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

Орозалиев Э.С., Маткаримов М.Т.

**КЫРГЫЗСТАНДАГЫ УЛУТТУК СОЦИАЛДЫК САЯСАТТЫ
ПОСТСОВЕТТИК РЕФОРМАЛОО**

Орозалиев Э.С., Маткаримов М.Т.

**ПОСТСОВЕТСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

E.S. Orozaliev, M.T. Matkarimov

**POST-SOVIET REFORM OF NATIONAL SOCIAL
POLICY IN KYRGYZSTAN**

УДК: 304 (575.2)

Макалада постсоветтик Кыргызстандагы улуттук социалдык саясаттын калыптанышына жана өнүгүшүнө социалдык-философиялык талдоого багытталган. Социалисттик социумдун социалдык чөйрөсүндөгү мамлекеттик саясаттын стратегиясы менен тажрыйбасына салыштырмалуу батыш демократиялык моделинин артыкчылыгы көрсөтүлгөн. Макалада Кыргызстандагы улуттук коомдук саясатынын эки жактуулугу көрсөтүлүп, коомдук саясаттын коммунисттик жана капиталисттик моделдерин жакындаштыруу аракети болуп саналат. Кыргызстандагы эгемендүүлүк шарттарындагы социалдык саясаттын моделдерин тандоого өзгөчө көңүл бурулду. Кыргыз менталитети постсоветтик-патерналисттик болушу менен өнүгүп жаткан рыноктук шарттарда релятивисттик-секулярдык баалуулуктар менен аныкталды. Глобалдуу көйгөйлөрдүн дагы бир фактору болуп илимий техникалык прогресстин кризисин эсептейт. Анын адамдын руханий-моралдык маанайына жана баалуулуктарына тийгизген терс таасири да белгиленди. Ушуга байланыштуу, бардык жашоонун чөйрөлөрүн коммерцияланышы, билим деңгээлинин төмөндөшү, саламаттыкты сактоонун начарланышы, өлкөнүн социалдык потенциалынын мазмунун өзгөртүүгө алып келди.

Негизги сөздөр: социалдык саясат, социалисттик модель, капиталисттик модель, социалдык-демократиялык модель, транзиттик мезгил, кайра куруу, реформалоо, модернизациялоо, патернализм, баалуулуктар.

Статья посвящена социально-философскому анализу формирования и развития национальной-социальной политики в постсоветском Кыргызстане. Показано преимуще-

ство западной демократической модели социальной политики по сравнению со стратегией и практикой государственной политики в социальной сфере социалистического социума. Особое внимание уделено выбору моделей социальной политики в условиях суверенизации Кыргызстана. В статье показано двойственность национальной социальной политики в Кыргызстане, заключающийся в попытках конвергенции социалистической и капиталистической моделей социальной политики. Одним из невольных факторов глобального кризиса автор подчеркивает научно – техническую революцию, которое негативно повлияло на духовно – нравственные ценности. В этой связи утверждается, что происходящая коммерциализация всех сфер жизни в Кыргызстане привела к падению уровня образования, здравоохранения, что повлияло изменение сущностного содержания социального потенциала страны. Выявлено, что кыргызстанский менталитет с его постсоциалистическими-патерналистскими ожиданиями вошел в глубокое противоречие с эволюционирующим в рыночных условиях релятивистско-секулярными ценностями.

Ключевые слова: социальная политика, социалистическая модель, капиталистическая модель, социально-демократическая модель, транзитный период, перестройка, реформирование, модернизация, патернализм, ценности.

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the formation and development of national social policy in post-soviet Kyrgyzstan. The advantage of the Western democratic model of social policy in comparison with the strategy and practice of state policy in the social sphere of socialist society is shown. Special attention is paid to the choice of models of social policy in the conditions of sovereignization of Kyrgyzstan. The article shows the duality of national social policy in Kyrgyzstan,

which consists in attempts of convergence of socialist and capitalist models of social policy. It is revealed that the Kyrgyz mentality with its post-socialist-paternalistic expectations entered into a deep contradiction with the relativistic-secular values evolving in market conditions. One of the involuntary factors of the global crisis, the author emphasizes the scientific and technological revolution, which negatively affected the spiritual and moral values. In this regard, it is argued that the ongoing commercialization of all spheres of life in Kyrgyzstan has led to a drop in the level of education and healthcare, which has affected the change in the essential content of the country's social potential.

Key words: social policy, socialist model, capitalist model, social-democratic model, transit period, restructuring, reforming, modernization, paternalism, values.

Анализ постсоветского реформирования национальной социальной политики в Кыргызстане позволяет сформулировать следующие выводы.

В первые годы независимости проводилась политика передела государственной собственности, первоначального накопления капитала, аннулирования самого минимума социальной поддержки.

Огромный негатив социальной политике принесли уравнилельно-распределительные порядки в волюнтаристско создаваемой структуре «казарменного социализма». Однако, в рамках реального социализма индивид не мог осуществить свое личностное развитие и в итоге, получали личностное развитие разновидностей иллюзорной коллективности или псевдоколлективизма.

Ориентир на модернизацию в постсоветском Кыргызстане непреодолим. Однако при всем амбициозном, дерзком характере реформирования отсутствуют определенные представления о векторах социальной эволюции. Этапы псевдо либо квазимодернизации окончательно прошли и важно основываться на специфике социально-культурного и экономического положения кыргызстанского социума.

При компаративистском анализе конкретных проявлений капиталистическая система более выигрышна, так как плюралистический социум формирует потенциал для первичных стилей жизни. Так обштинная разновидность жизнедеятельности сжигается с индивидуалистическими, когда социализм практикует одну лишь модель коллективизации.

Кыргызстанский менталитет с характерными для него постсоциалистическими патерналистскими ожиданиями не гармонирует с эволюционирующими в условиях рынка релятивистско-секулярными ценностями.

В транзитные годы социальная политика долгое время была «невостребованной» государством, оказалось в поле невнимания и политического равнодушия. Проводилась политика передела государственной собственности, первоначального накопления капитала, аннулирования самого минимума социальной поддержки. Суверенный Кыргызстан показал пример многомесячных невыплат законной заработной платы, породившей массовую социальную бедность, вопиющую нищету отдельных социальных слоёв.

Однако в целом административно-командная система потерпела крах в конкуренции с модернизированными западными социумами, их демократической моделью.

Существовала экономическая неэффективность тоталитарного политического режима в качестве результата тоталитарно-государственной формы собственности. Функционирование государственных стандартов промышленной и аграрной продукции, унифицированное производство, отрицание творческих методов и индивидуального творчества изготовления вещей детерминировала отчуждение человека от результатов трудовой деятельности, плохое качество продукции, а также типовое разнообразие производимой продукции. Это отрицало реальное личностное развитие, включая и широкую область жизнедеятельности и организации свободного времени, в итоге чего люди оказывались вне оптимистического самочувствия в межличностном общении. Исходя из этого потребительство, «вещизм», отказы в функционировании бытовых механизмов отрицательно сказывались на содержании общественно-человеческой жизни. Кроме этого неудовлетворённость внутренними сторонами бытия полупринудительно заменялось мерами идеологического характера, насаждением утопических ценностей в качестве веры в «светлое будущее».

Огромный негатив социальной политике принесли уравнилельно-распределительные порядки в волюнтаристско создаваемой структуре «казарменного социализма». В годы советской перестройки первоначальное возникновение предпринимательства привело к прорывному насыщению социума разнообразными услугами и товарами, и в значительных объёмах. Многие, представлявшие ранее недостижимыми (многочисленные разновидности продуктов питания, подарочные товары, предметы «ювелирной роскоши») в годы перестройки стали массовым явлением. Предыдущие попытки объяснить необходимость продажи только предметов массового, всеобщего спроса

(к примеру, в недопущении для торговли дорогих украшений либо предметов личного пользования из-за того, что их не в состоянии купить большинство населения) в этот период представлялось анекдотичным и не цивилизованным требованием.

Последовательно реформировалась система штатного распределения заработной платы, разрешительный характер совместительной работы, запреты на частное предпринимательство (в рамках дачных строений и участков при выращивании фруктов и овощей для рыночной продажи) имели позитивный эффект в плане социального самочувствия людей. Одновременно сужалась заметная роль в функционировании сознательной политики различных фондов социального потребления, на базе которых граждане получали ощутимую социальную поддержку и помощь (бесплатные медицинские услуги и образование, оплата части отпускных затрат, пребывание детей в летних лагерях).

Однако и в данном плане общественной системы формировались общественно негативные прецеденты: длительное ожидание своей очереди в улучшении и получении жилья, контрольно-регламентный характер труда и социально-политической деятельности, идеализация благополучия старости и пенсионных выплат – это трансформировало человеческую жизнь в плане будущего в определённую «копилку», ради чего необходимо было жертвовать настоящим, самоощущением себя.

Безусловно, жизнь советского гражданина проходила в атмосфере коллективной жизнедеятельности и таким образом общественного чувства совместных действий и человеческой солидарности. Однако в рамках реального социализма индивид не мог осуществить своё личностное развитие и в итоге, получали личностное развитие разновидности иллюзорной коллективности или псевдоколлективизма. Л.Г. Ионин обоснованно считает, что распропагандированная теория развитого социализма старалась подвести рациональную базу под идею органичности функционирующих структур, способов и форм деятельности [1].

Ранее было показано, как резко воспринималась особая система привилегий и льгот. Применительно к определённым характеристикам советской системы в попытках их консервации она предполагает, что власть и её представители официально вещали о всеобщей социальной участливости и заботе, добросовестном отношении к трудовой деятельности и насаждалась полуоткрытая, а иногда полностью закрытая, специальная система социальных привилегий и

льгот в распределении услуг и товаров, оплаты и проведении отпусков, пользовании транспортом.

Однако радикальная трансформация социально-экономической обстановки и политической атмосферы социума в годы перестройки и в последующих годах вызвали радикальные драматические последствия. Граждане были фактически «выбиты» из привычных социальных позиций с покиданием и ломкой привычных им структур, иерархий традиционной системы связей, деформацией биографий.

В транзитный период Кыргызстана рекомендуются «мягкие системы» подобные социально-демократической модели Швеции, Финляндии и др. Однако в супер - державах выстроены демократические режимы, характеризующиеся экономическим, а не как в СССР политико-государственным принципом, формируются модернизированные «центры власти», и, в первую очередь, прагматического характера. Использование практики шведского социализма осложняется невозможностью Кыргызстана осуществлять социальную политику из-за низких доходов государства.

В советское время государство и партия развивали традиционную государственность, а жизнь людей основывалась на принципах советского коллективизма. Однако, как продемонстрировали постсоветские годы; коллективизма и «общности» намного больше на Западе, чем на советской почве. Снова опасностью являются стратегии, тотальный проект, использование модернистских и универсалистских вариантов развитых стран и особенно конкретные проекты западно-демократического характера. В первую очередь, они лишают общественно-политического контекста окружающую реальность, подменяют исследование микроситуаций развития слоёв и групп населения.

В данном случае востребован социально-философский анализ, осуществляемый в транстемпоральном поле, то есть по горизонтали и вертикали.

По мнению В.А. Куринского, он расположен в «центре креста», направлен на изучение вещи в качестве условности. Особого интереса заслуживает российская ментальность, исходя из которой единодушное одобрение «задач и целей» заменяются их полным отрицанием, нигилистическим восприятием. Отсюда политике необходимо ощущать жизнь, её бытие, необходимое чувство народа «во благо». В этом плане разработчиком мер социальной политики важно знать социальную педагогику, другими словами, учиться самим жизни [2].

Если брать противный случай, то станет оформляться эффективность мероприятий социальной под-

держки граждан, временность, но никак не своевременность оказываемой социальной помощи.

Западные авторы, в частности П.Бергер, задачу постсоциалистических государств видит в целесообразности войти в современный западный мир на базе модернизации в качестве технологических требований выживания современных социумов. В данном аспекте необходимо различать социалистическую и капиталистическую модели модернизации. Сущность капиталистической модели рассматривается как способность продуцировать обновление типа общественного устройства, включая формы активного ухода от привычных моделей. А.П. Цыганков, комментируя работы Бергера, подчёркивает, что ориентир на модернизацию в постсоветской России не преодолим, однако при всём амбициозном, дерзком характере реформирования отсутствуют определённые представления о векторах социальной эволюции. Этапы псевдо либо квазимодернизации окончательно прошли и важно основываться на специфике социально-культурного и экономического положения российского социума [3].

П. Бергер рассматривает квинтэссенцию капиталистической системы в качестве производства объединёнными или индивидуальными усилиями на рынке в целях получения прибыли, что формирует иллюзию совмещения корпоративно-социалистической системы и рыночной экономики. Современный капитализм демонстрирует эпоху разрушения общественных перегородок и транзит к “человеку равному” от “человека иерархизованного” и таким образом, более открытой общественной структуре, которая облегчает доступ к общественным благам (власти, привилегиям, выгодам, престижу). В этом случае этико-культурная феноменальность индустриальных трансформаций, вариативность моделей содержится в предоставлении людям права пользоваться результатами рыночной экономики. П.Бергер провозглашает идею “нового компетентного класса” в качестве противоположности традиционному капитализму и негосударственной действительности как системы независимых хозяйственных субъектов. Данный факт приобретает “мобилизующую” роль и обоснованный процесс модернизации в качестве ориентира на демократический прогресс.

Как эти революционные трансформации можно применить в современном Кыргызстане? Социалистический режим и статус её граждан являются социалистической структурой с чёткой стратификацией, а по типологии “патримониальной”, что значит, что власть, льготы, привилегии, престиж зависит не от

образовательного и экономического статуса, однако на базе причастности людей к государственно-партийным организациям. Как отмечает П.Бергер, социализм имманентно двойственен и неустойчив: в одном аспекте, он распространяет “коммунистическую религию” для наиболее уязвимых модернизацией социальных групп, а в другом пытается воспользоваться и присвоить результаты самому себе в качестве “цивилизации”. Для оптимизации социально-отрицательной ситуации данный исследователь выдвигает основные ценности, позволяющих реализовать выбор между социалистической и капиталистической системами.

Базовую – первую ценности представляет собой материальное благосостояние населения, и особенно беднейших социальных групп (безусловно, что по данному критерию капиталистическая система “выше”). Затем идёт ценность равенства, и, в первую очередь, равенства, которое касается распределения доходов. Однако в данном случае предпочтение отдать однозначно капитализму невозможно. Следует подчеркнуть, что доминирующее типологическое развитие может привести к равенству в нищем образе жизни и этнополитической ситуации.

Однако, демократия, политические свободы и ценность прав человека укрепляют предпочтительность капитализма (в случае, если граждане привержены этим правам). Соответственно, чем при социалистической системе более высокую представляет собой ценность индустриальной независимости. Однако неоднозначной является ценность консервации общества и традиции (и капитализм, и социализм здесь предстают в невыгодном аспекте). Но при компаративистском анализе конкретных проявлений капиталистическая система более выигрышна, так как плюралистический социум формирует потенциал для первичных стилей жизни. Так общинная разновидность жизнедеятельности сживается с индивидуалистическими, когда социализм практикует одну лишь модель коллективизации.

На основе набора ценностей, определённого П.Бергером, А.П. Цыганков пытается реконструировать их на базе российской ментальности. В первую очередь в рыночной экономики не работает и сама по себе без соответствующего культурного и социального контекста. При рассмотрении таких компонентов как рациональность, активизм, самодисциплину, приверженность инновациям, сложно определить, в какой степени они имеют основание в современной действительности. Поэтому есть резон рассматривать религиозно-эстетическую, социально-нравственную

предрасположенность кыргызского социума к кардинальной экономической реформе. Поражение потерпела не только мобилизационная, социалистическая экономика, но социокультурное единство кыргызского социума. Для гражданского мирного вектора развития оказалась неподходящей система общественной организации, соединившая политический авторитаризм, патримониальную стратификацию, имперскую разновидность национальной интеграции, культурную склонность к уравнительной справедливости [4].

Для выхода из данной системы необходимы новые решения, даже неопробованные на мировом опыте, трансформации отношений в ситуациях общественного бытия, принципиально новой системе государственности. В данном отношении Кыргызстану следует показывать свою душевную теплоту, духовную силу, человеческую взаимопомощь.

Однако необходимо отметить, что социалистический дух ещё жив в Кыргызстане, остался в экзистенциональных компонентах сознания, индивидуально-личностного бытия. Кыргызстанский менталитет с характерными для него постсоциалистическими патерналистскими ожиданиями не гармонирует с эволюционирующими в условиях рынка релятивистско-секулярными ценностями [5].

В первые годы независимости республики положение кыргызстанцев катастрофически ухудшилось. Так, за это время рамки бедности в качестве прожиточного минимума понизились в несколько раз. «Критическая» структура потребительской «корзины» при этом вместо 2-3 лет захватило почти десятилетие. Кроме расчёта потребления замалчивались малоэластичные транспортные расходы и жилищно-коммунальные платежи, необходимая амортизация обуви и

одежды, оплата медицинского обследования и необходимость накапливать минимум сбережений (это приводило к выражению социологов к «недопотреблению питания»). Такая ситуация позволяет Н.М. Римашевской, заключить, что принятый прожиточный минимум представлял собой не границу бедности, а границу и нищеты. В самом тяжёлом положении оказались многодетные семьи и пенсионеры. Как правило, «устойчивая» бедность способствует возникновению ещё большей бедности (отсюда – депрофессионализация, моральная деградация подрыв здоровья детей их бедных семей). «Плавающая бедность» порождает редко удачные действия для выхода из замкнутого круга. Чтобы её устранить социум должен сформировать объективные условия.

При разработке социальной политики государства, ориентированных на социальную защиту населения стратегий вспомоществования всячески учитывается всесторонняя статистическая информация, на котором производится расчёт прожиточного минимума, минимальной и потребительской корзины, обязательные социальные платежи и т.д.

Литература:

1. Ионин Л.Г. Свобода в СССР. - СПб.: Фонд «Университетские книги». - 1997. - С. 176-177.
2. Куринский В.А. Выступление / Философия и политика. Материалы «Круглого стола» / Вопросы философии. - М., 1996. - №10. - С. 30.
3. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социс. - М. 2004. - №4. - С. 34.
4. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. - М., 1997. №6. - С.55-56.
5. Цыганков А.П. Вызов капитализма, Бергер П.О. О социальных ориентирах современного общества. // Вопросы философии. - М., 1993. - №12. - С. 96.